

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА МИХАЙЛЮЧЕНКО

аспирант кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет

olga.mikhaylyuchenko@gmail.com

**МОТИВЫ СМЕРТИ И ВОСКРЕШЕНИЯ В РАССКАЗЕ А. ПЛАТОНОВА
«ОБОРОНА СЕМИДВОРЬЯ» В СВЕТЕ ТЕКСТОЛОГИИ**

В статье предлагается опыт текстологического изучения рассказа «Оборона Семидворья» по рукописи и военным публикациям. Это позволило уточнить семантику мотивов смерти и воскрешения в одном из центральных для военной прозы А. Платонова произведений.

Ключевые слова: текстология, поэтика, мотив, творчество Платонова, литература Великой Отечественной войны

В годы Великой Отечественной войны перед писателями всталась высокая патриотическая задача: направить свое главное оружие – слово – на служение делу победы. «Я не могу сам воевать, не могу выдумать мину или самолет, но я могу обнадежить все души людей и дать им [жизненную] силу правильного понимания жизни» [23; 218], – так эту задачу видел А. Платонов. Его военные рассказы и очерки – опыт сложного, противоречивого в философском и этическом плане исследования человека «внутри войны». Непосредственный свидетель исторических событий¹, Платонов воссоздает в художественных образах картины войны, стремясь при этом найти особое слово, не только выраждающее понимание происходящего самим писателем, но передающее мировоззрение и дух народа, сражавшегося за Родину.

Основную для военных рассказов тематику Платонов обозначил в своем определении войны: «война – зона между... жизнью и смертью» [17; 546]. Мотивы смерти и воскрешения, будучи характерными для творчества писателя в целом, а для военной прозы особенно, исследовались В. Акимовым, М. Дмитровской, А. Киселевым, М. Кох, А. Кретининым, Ю. Пастушенко, С. Се-

меновой, И. Спиридоновой, В. Чалмаевым, Е. Яблоковым и др. В данной статье предлагаются наблюдения над художественным развитием данных мотивов в рассказе «Оборона Семидворья» в контексте истории публикаций текста и их сопоставления с авторской рукописью. Текстологический анализ проводился с опорой на работы Н. В. Корниенко [7], В. Ю. Выюгина [3], И. А. Спиридоновой [28] и др.

Творческая судьба «Обороны Семидворья» оказалась типичной для публикаций военного времени. Рассказ был опубликован в 1943 году дважды: в газете «Красная звезда» и журнале «Знамя» – изданиях, сотрудничество с которыми было для Платонова наиболее плодотворным². Военные публикации «Обороны Семидворья» были подвергнуты значительной редактуре: удалялись целые абзацы, заменялись слова, корректировались предложения и фрагменты. Однако ни правка «корявого» языка Платонова, ни слаживание двусмысленных или чрезмерно философских фрагментов не спасли рассказ от негативной критики. Так, критик Лукин со страниц «Правды» обвинил писателя во вредоносном «искажении и оглуплении» образов защитников Отечества, в «нагромо-

ждении странностей», в «погоне за оригинальностью», в «неясности мыслей» [9]. Предположительно, такого рода критика способствовала тому, что впоследствии рассказ не попал ни в один из военных сборников Платонова. Он вновь увидел свет только в 1963 году, в усеченной версии журнала «Знамя», которая, оказавшись последней прижизненной публикацией, вошла в последующие издания [14], [15], [16], [18], [20], [22].

Наблюдения над рукописью и авторской правкой машинописи рассказа, хранящимися в фонде А. П. Платонова в РГАЛИ, обнаруживают напряженную работу над формой и содержанием. Исключительное внимание писатель уделяет стилю, поиску более точного, емкого слова: «Ну, а все-ж таки! – *[отверг]*³ **возразил боец**⁴; «Лопата и топор *[нужны]* теперь **потребны** солдату наравне с автоматом». Нередко Платонов, не удовлетворенный отдельным словом, но не найдя иного, возвращается к первому варианту: «*[наперерез]* **наперерез** бежал один наш боец с нацеленным штыком» и т. п.

Автор вычеркивает и переписывает в другой формулировке целые предложения: «Теперь *[оны чувствовали как томительно и сухо трудятся их кости в теле при каждом усилии работы, но терпеливо вонзали железо в грунт и рвали его прочь]* они чувствовали, как до самых костей томится их тело при каждом усилии работы, но они терпеливо вонзали железо в грунт и рвали его прочь». Многократной стилистической правке подвергаются «описательные» (портреты, пейзажи) и «событийные» (действия и речь персонажей) фрагменты текста, представляющие самостоятельные сюжетно-композиционные единицы.

Особого внимания заслуживают те фрагменты рукописи, которые были изъяты из текста рассказа в процессе его подготовки к публикациям в периодике военного времени. Редакционные купюры и стилистические замены исказают содержание рассказа. Восстановление авторского слова принципиально важно для понимания художественного замысла, его эволюции и воплощения в художественном произведении.

В основе сюжета произведения – эпизодическое в большом историческом контексте, но важное в этическом и философском плане событие – оборона семидворной деревеньки, что отражено в закрепившемся благодаря военным публикациям названии рассказа. Однако выбор заглавия самим автором не столь однозначен. В рукописи рассматриваются три варианта: «Малый полководец» – помещено в центре страницы, что свидетельствует о первичности данного заголовка, «Оборона Семидворья» и «Смерти нет!» – приписаны сверху справа над центральным заглавием. Первоначальный вариант названия оправдан, поскольку сюжет рассказа развертывается вокруг главного героя – «малого полководца» лейтенанта Агеева: 25-летнего младшего командира, который руководит смертельным сражением и берет на себя ответст-

венность за тактику и стратегию боя, за жизнь и смерть солдат, за судьбу родной земли. Статус центрального персонажа закрепляется за Агеевым на уровне повествовательной структуры. Даже в тех случаях, когда повествование формально ведется от лица анонимного повествователя, оно отражает позицию героя, так как «пространственная» точка зрения [29] в нарративе практически смыкается с точкой зрения Агеева: «Агеев полез с лопатой в заваленное укрепление, где был телефон. Но к нему навстречу тоже откапывался кто-то сквозь сыпучую мягкость. – Ты кто? – крикнул Агеев в грунт». Соединение позиции повествователя и героя поддерживается на лексическом уровне: в речи повествователя изобилуют ментальные глаголы, характеризующие восприятие мира Агеевым («давно понял», «Агеев хотел», «Агеев почувствовал» и т. д.), и «остраняющие» модальные слова: «Агеев хотел выйти наружу к людям, но его временно посунуло воздухом обратно в ход сообщения: снаряд разверз землю возле второй огневой точки и, должно быть, повредил его накат». Кроме того, в описании происходящих событий наблюдается регулярное включение несобственно-прямой речи героя в речь повествователя: «Он кликнул к себе Мокротягова и велел узнать, почему до сей поры не дают сюда телефонного конца: что они там, в домино, что ль, играют?».

Очевидно, образ Агеева был для Платонова очень важен, неслучайно в рукописи портретное и характерологическое описание данного персонажа – фрагмент, претерпевший значительные изменения и неоднократно исправленный автором. Не менее пристальное внимание уделили характеристике героя и ее корректуре и редакторы «Красной звезды» и «Знамени». Сравним три варианта:

«...Очень заметно в этой литературе о войне выступает лирико-романтическая и героическая тенденции, героизирующая действительность, возвеличивающая как людей, так и их внутренние побуждения и цели, которые перед этими людьми встают... Именно эта лирико-романтическая тенденция встречает в журнале безусловную поддержку» (цит. по: [2]), – так ответственный редактор «Знамени» Е. Михайлова определяет принципы, которыми редакция журнала, в целом очень благосклонного к Платонову, руководствовалась при отборе и издательской правке материала. В варианте «Знамени» Агеев предстал исключительным, идеализированным героем. Его описание, в основном совпадающее с первоначальным, приобрело гиперболизированный, обобщенный характер в результате исчезновения физических деталей («*костищ и прочен телом*»). Платонов уточняет – «ни вилка, ни какое другое острие» не могли повредить тело Агеева, – и окончательно деметафоризирует заявленный образ, убеждая читателя в реальности, достоверности своего героя комически-бытовой подробностью «*экспозиционного*» содержания: это «уже пробовали делать его товарищи на суше и на море».

«Оборона Семидворья» «Красная звезда»)	«Оборона Семидворья» «Знамя»)	Рукопись
<p>Прежде он был моряком, потом его спешили в составе морского экипажа, и он пошел воевать по степям и равнинам, не зная до сей поры ни ранения, ни смерти.</p> <p>Он был невелик ростом, но родители его родили, а земля вскормила столь прочным существом, что ни вилка, ни другое острье нигде не могли войти в его твердо скрученные мышцы, – ни в руки, ни в ноги, ни в грудь, никуда – что уже пробовали делать его товарищи на суше и на море. Пухлое лицо Агеева имело постоянно кроткое, доверчивое выражение, отчего он походил на переросшего младенца, хотя ему сравнялось уже двадцать пять лет; но маленькие карие глаза его, утонувшие под лбом, светились тлеющими искрами, тая за собою внимательный и незаметный разум, опытный, как у старика [13].</p>	<p>Прежде он был моряком, потом его спешили в составе морского экипажа, и он пошел воевать по степям и равнинам, не зная до сей поры ни ранения, ни смерти. Он был невелик ростом, но родители его родили, а земля вскормила столь прочным существом, что никакое острье нигде не могло войти в его твердо скрученные мышцы, – ни в руки, ни в ноги, ни в грудь, никуда. Пухлое лицо Агеева имело постоянно кроткое, доверчивое выражение, отчего он походил на переросшего младенца, хотя ему сравнялось уже двадцать пять лет; но маленькие карие глаза его, утонувшие под лбом, светились тлеющими искрами, тая за собою внимательный и незаметный разум, опытный, как у старика [12; 7].</p>	<p>Прежде он был моряком, потом его спешили в составе морского экипажа, и он пошел воевать по степям и равнинам, не зная <i>[до сей поры] до сего времени</i> ни <u>одного</u> ранения, ни смерти.</p> <p>Он был невелик ростом, но <u>костист и прочен телом</u> [<i>18 строк описания зачеркнуты</i>].</p> <p>Сухое лицо его имело постоянно кроткое, доверчивое выражение, отчего (родители его родили, а земля вскормила столь прочным существом, что <u>ни вилка, ни другое</u> острье нигде не могли войти в его твердо скрученные мышцы, – ни в руки, ни в ноги, ни в грудь, никуда – <u>что уже пробовали делать его товарищи на суше и на море</u>). Пухлое лицо Агеева имело постоянно кроткое, доверчивое выражение, отчего) он походил на переросшего младенца, хотя ему сравнялось уже двадцать пять лет; но маленькие карие глаза его, утонувшие под лбом, светились тлеющими искрами, тая за собою внимательный и незаметный разум, опытный, как у старика.</p>

Не умаляя героического в образах русских солдат⁵, Платонов стремится исследовать типичного, обыкновенного героя, каких было много и которые, в конечном счете, решили судьбу Отечества во Второй мировой войне. На это указывает и эпитет «малый (полководец)» в варианте названия, и событийный ряд – в основе рассказа не стратегически важный бой, а незначительный в масштабе войны эпизод: оборона маленькой семидворной деревеньки. Аналогично другой батальный рассказ Платонова – масштабное эпическое полотно, вовлекающее в изображение событий войны комплекс философских тем и мотивов, – называется «Одухотворенные люди (рассказ о небольшом сражении под Севастополем)». Прослеживается тенденция наблюдать великое в малом, акцентирующая внимание не на исключительном герое или событии, а на этико-философском осмыслиении сущностного: «тайна родины, тайна поведения человека-солдата, тайна победы».

Центральная тема произведения отражена в названии, под которым рассказ переиздавался в послевоенные годы – «Смерти нет!» (впервые под этим названием рассказ вышел в свет в 1970 году). В таком пунктуационном оформлении название, очевидно, заимствовано из начала произведения, где лейтенант Агеев ведет своих бойцов в атаку с боевым призывом: «Вперед, ребята! Смерти нет!» Оно присутствует и в рукописи Платонова, но без восклицательного знака, и, та-

ким образом, лишено лозунговости. Тема жизни, смерти и бессмертия – вот над чем размышлял Платонов: неслучайно черновой вариант заглавия «Смерти нет!» был подчеркнут им дважды, а следовательно, определен как наиболее подходящий.

Текст, восстановленный по черновику, обнаруживает, что возникший в речи Агеева мотив отсутствия смерти усложняется по ходу повествования, соединяясь с мотивом воскрешения убитых.

«Оборона Семидворья» «Красная звезда»)	«Оборона Семидворья» «Знамя»)	Рукопись
но немцы все еще дышали встречным огнем.	но немцы все еще дышали встречным огнем.	но немцы все еще дышали встречным огнем, напоминая о терпении и бессмертии солдата.
Ничего, сейчас немцы помрут и не воскреснут! – сказал старший лейтенант Агеев.	– Ничего, сейчас они помрут и не воскреснут! – сказал старший лейтенант лейтенант Агеев [12; 7].	– Ничего, сейчас немцы помрут и не воскреснут! – сказал старший лейтенант Агеев. – Воскреснем мы!
Чего они там залегли! Обрадовались,	Чего они там залегли! – помирать что смерти нету... [12; 8].	Чего они там залегли! Обрадовались, что смерти нету...

«Оборона Семидворья» («Красная звезда»)	«Оборона Семидворья» («Знамя»)	Рукопись
<p>Агеев задумался и тихо произнес своим людям:</p> <p>– Труден наш враг, товарищи бойцы. Смертью он стоит против нас, но мы не страшимся смерти. Надо, главная вещь, не отдать ему своей победы, не уступить по второму разу вот этой нашей деревни и всей прочей родной земли. В нашей земле у нас все хранится – там и отцы лежат, там и плоть наших детей ожидает своей очереди, чтобы родиться на свет и поглядеть на солнце в небе...</p> <p>Приказываю вам – держать здесь оборону, покуда весь немец, который полезет сюда, обратно, не износится об нас.</p>	<p>Он задумался перед фронтом своих людей и тихо произнес:</p> <p>– Труден наш враг, товарищи бойцы. Смертью он стоит против нас, но мы не страшимся смерти. После фашиста мы пойдем против смерти и также одолеем ее, потому что наука и знание будущих поколений получат высшее развитие. Тогда люди будут не такие, как мы, в них от наших страданий зачнется большая душа. Так что смерти нам по этому расчету быть не должно, а случится она, так это мы стерпим! Но для такого дела мало, однако, товарищи, умертвить врага огнем и штыком.</p> <p>Надо, главное, не отдать ему своей победы, не уступить вот этой нашей деревни и всей прочей родной земли. Война без отнятия у врага своей земли что поле без урожая, – нам так нельзя.</p> <p>Приказываю вам – держать здесь оборону, покуда весь враг, который полезет сюда, обратно, не износится</p> <p>[12; 10].</p>	<p>[Он кратко рассказал бойцам план обороны деревни и что для того нужно делать, чтобы враг более никогда не вступил на эту землю.</p> <p>– Трудно корчевать врага с его опорного места, мы такое дело сами вполне переживаем и видим, что оно значит, – говорил старший лейтенант. – Оно берет, это дело, нашу кровь, а иногда в добавление и жизнь. Смерти, понятно, надо остерегаться, хотя, как вы, товарищи и бойцы, сами понимаете, смерть в бою за нашу родину есть праведное].</p> <p>[Потом Агеев задумался и т]</p> <p><u>Агеев</u> задумался перед фронтом своих людей и тихо произнес им:</p> <p>– Труден наш враг, товарищи бойцы. Смертью он стоит против нас, но мы не страшимся смерти, потому что после <u>немца</u> мы пойдем против смерти и также одолеем ее. И тому из нас, кто скончается в этой войне за всю судьбу человечества, тому не так долго придется лежать мертвым, потому что наука и знание будущих поколений получат высшее развитие. Тогда люди будут не такие, как мы, а лучшие нас, в них от наших страданий зачнется душа, <u>а у нас ее мало. И тогда наш будущий народ воскресит и из самой земли подымет всех своих честных праведников, всех бойцов и тружеников, а также мучеников, чтобы жили они нормально великою вечной жизнью...</u></p> <p>Так что смерти нам по этому расчету быть не должно, а случится она, так <u>временно</u>, – но это <u>неважно</u>, это мы стерпим, – а смерти нет!. Но для такого дела мало, однако, товарищи, умертвить врага огнем и штыком. Надо, главная вещь, не отдать ему своей победы, не уступить <u>по второму разу</u> вот этой нашей деревни и всей прочей родной земли. <u>Война без отнятия у врага своей земли, что поле без урожая, – нам так нельзя. В нашей земле у нас все хранится – там и отцы лежат, там и плоть наших детей ожидает своей очереди, чтобы родиться на свет и поглядеть на солнце на небе...</u></p> <p>Приказываю вам – держать здесь оборону, покуда весь <u>немец</u>, который полезет сюда обратно, не износится об нас...</p>

Нетрудно заметить, что в военных публикациях в начале рассказа этот мотив либо вовсенейтрализуется, либо значительно смягчается или даже искается. Так, редактура «Знамени», в одном случае сохраняя слова Агеева («сейчас они помрут и не воскresнут!» [12; 7]), в другом закладывает в них противоположный смысл: солдаты неоправданно рисуют собой не потому, что смерти нет и, следовательно, не нужно ее бояться, а потому, что «помирать захотели».

Наибольшие изменения текста рассказа претерпел в эпизоде, где лейтенант Агеев вдохновляет своих бойцов на бой, рассуждая о смысле жизни и смерти на войне.

Вычеркнутые фрагменты позволяют проследить за ходом мыслей автора при написании этого отрывка. Художественно-философское решение тем жизни, смерти и воскрешения не сразу находит свое выражение в слове и месте в тексте рассказа, трансформируясь от плакатных определений («вы, товарищи бойцы, сами понимаете, смерть в бою за нашу родину есть праведное...») в идею о научном воскрешении убитых, имеющую федоровский подтекст. В «философии общего дела» Федорова смерть не является укорененной в самой природе сущего; это источник мирового зла, и прежде всего несовершенства человека. Суть научного воскрешения – «не про-

сто создание прежде живших в их былой материальности, а претворение их природы в высшую» [5; 22]. Герой Платонова, лейтенант Агеев, определяет перспективу идеального будущего как торжество науки, «одолевшей» смерть. В записных книжках Платонов писал с пометкой «очень важно»: «Дается мир, каков бы он был при деятельности погибших, – лучший мир, чем действительный: вот что погибает на войне, – там убита возможность прогресса» [23; 231]. Фашизм, уничтожающий прогресс человечества, в таком случае оказывается препятствием на пути к личному бессмертию. С этой точки зрения определяется и смысл победы для русских солдат: сохранить мир для лучшей жизни будущего поколения, которое «воскресит из самой земли подымет всех своих честных праведников, всех бойцов и тружеников, а также мучеников».

Мотив битвы за родную землю обнаруживает в развитии мотива смерти и воскрешения фольклорно-мифологическую семантику. Земля / родина в художественном мире военных рассказов Платонова – мифологический архетип рождающей матери (мать-сыра земля в фольклоре, Родина-мать) и одновременно могилы: «В нашей земле у нас все хранится – там и отцы лежат, там и плоть наших детей ожидает своей очереди, чтоб родиться на свет и поглядеть на солнце на небе...» В этом контексте интересна интерпретация мотива самопожертвования / смерти на войне у Платонова А. А. Кретининым: «...солдат на войне жертвует собой = сеет себя в землю, чтобы “вырос”, остался расти народ» [8; 48]. Перерождение солдат для лучшей жизни из земли сродни инициации. Таким образом, в идее защиты Родины от врага прочитывается глубинный смысл: воскрешение убитых, равно как и рождение еще не существующих потомков, призванных осуществить прогресс будущего, будет невозможно, если земля – хранилище живого и мертвого – достанется врагу. Именно поэтому так важно для Агеева отстоять семидворную деревеньку, которая становится символом всей русской земли («не уступить по второму разу вот этой нашей деревни и всей прочей родной земли» – за «незначительный» с рациональной, pragматической точки зрения объект бойцы сражаются уже второй раз).

Идея научного воскрешения была подвергнута сомнению в ряде произведений Платонова конца 1920–30-х годов, в том числе в повествовании о другой войне – гражданской. В повести «Сокровенный человек» с позиции Фомы Пухова раскрывается бессмысличество войны и смерти на войне: «Смерть действовала с таким спокойствием, что вера в научное воскресение мертвых, казалось, не имела ошибки... Пухову это надоело. Он не верил, что если умрешь, то жизнь возвратится с процентами» [20; 79, 80]. В рассказе мотив воскресения также не решается однозначно. Сложность этой темы в философии Платонова отражена в полемике Агеева с бойцом Афониным:

«Оборона Семидворья» (<i>«Знамя»</i>)	Рукопись
A если б в два наката строили, тогда бы многие, правда, век тут вековали, а один накат – все на вечность бы легли...	A если б в два наката строили, тогда бы мы, правда, век тут вековали, а в один накат – на вечность бы легли...
– До самого воскрешения убитых, что ль, пока наука за силу возьмется?	– До самого [воскрешения] подъема убитых, что ль, пока наука за силу возьмется?
– Да, до той поры так бы и проспали здесь. Тебе охота?	– Да, до той поры так бы и проспали здесь. Тебе охота? Боец поразмыслил.
Боец поразмыслил.	– <u>A что ж...</u> Оно бы все равно, раз потом советский народ войдет в свою полную силу и своей наукой нас снова к жизни подымет. А можно и повременить помирать – вдруг потом ошибка случится. <u>Да так оно должно и будет – ошибка!</u>
– Оно бы все равно, раз потом советский народ войдет в свою полную силу и своей наукой нас снова к жизни подымет. А можно и повременить помирать – вдруг потом ошибка случится.	<u>Агеев разгневался.</u>
– Хватит тебе! – приказал Агеев. – Остановись бормотать. У тебя всегда ум идет, как задние колеса в чумачкой телеге: одно колесо по колее, а другое по целине... [12; 10].	– <u>Никакой ошибки!.. Человечество есть прогрессивное дело и для него воскрешение мертвых будет нетрудной работой, оно еще и не такое научится творить... ты ничего не бойся, ты не прогадаешь.</u>
	– <u>Я не боюсь, товарищ командир... А зачем мертвому жизни?</u>
	– <u>Ты правду сказал – мертвому жизнь не нужна, он по ней не тоскует. Это нам живым нужно, чтоб мертвые жили опять с нами. Ты чувствуешь, что это правда?</u>
	– <u>Это я все чувствую, товарищ старший лейтенант,</u> – сказал боец. – <u>У меня расчеточный, я далеко вперед [чувствую] гадаю, и вижу, что добруму не миновать надо быть на всей земле. Иль и на самом деле нам в пагубе без отпуска жить? Я ведь так соображаю, что пора бы... – Хватит тебе! – приказал Агеев. – Остановись бормотать. У тебя всегда ум идет, как задние колеса в чумачкой телеге: одно колесо по колее, а другое по целине...</u>

Как видно из сравнения вариантов текста, этот спор сохранился в военной публикации *«Знамени»*, но приобрел форму шутливого диалога, тогда как в исходном тексте эта тема получает новый поворот. Боец Афонин недоверчиво относится к фантастическим мечтам своего командира. Просторечная формулировка «до самого подъема уби-

тых» вместо первоначального и привычного для данной темы слова «воскрешение» указывает на то, что научные идеи чужды простому солдату. Афонин, однако, невольно подталкивает Агеева к новой мысли: воскрешение убитых нужно живым, поскольку мертвые «не тоскуют» по жизни. Здесь кроется дорогая Платонову мысль о том, что каждый человек бесценен, поэтому смысл воскрешения – сохранить каждого в его неповторимости: «Умершие [могут] будут воскрешены, как прекрасные, но безмолвные растения-цветы. А нужно, чтобы они воскресли в точности, – конкретно, как были...» [23; 246]. Еще один фрагмент рукописи свидетельствует, что лейтенант Агеев приходит именно к такому пониманию смысла воскрешения:

«Оборона Семидворья» (<i>«Знамя»</i>)	Рукопись	«Оборона Семидворья» (<i>«Знамя»</i>)	Рукопись
<p>Нельзя без них счастливо жить, товарищи. Без них для нас – весь мир сирота. Зачем же нам позволять смерти уносить от нас самое необходимое добро. Это и по-хозяйски плохо. И мы должны сегодня же идти вперед, к высшей, правильной истине, и как можно скорее. Истина же теперь, – я вам это верно говорю, – истина теперь в бою, она есть наша победа, и мы должны ее добить. Такова наша жизнь и задача! [12; 14]</p>	<p>Нельзя без них счастливо жить, товарищи. Без них для нас – весь мир сирота. <u>И наступит время, должно оно наступить, когда в силу действия науки и ради утешения великого горя человечества, все погибшие праведные люди будут воскрешены из земли к жизни и снова, но зато уж на вечное время они встретят друг друга.</u> <u>Без умерших, товарищи, если они никогда не будут обратно пробуждены жить, люди станут злыми, глупыми и негодными.</u> <u>Разве можно оставлять в прахе наших бойцов и товарищ? В них осталось то, чего именно как раз не хватает в мире и без чего жить нельзя.</u> Зачем же нам позволять смерти уносить от нас самое необходимое добро? Это и по-хозяйски плохо. И мы должны сегодня же идти вперед, к высшей, правильной истине, и как можно скорее. Истина же теперь, – я вам это верно говорю, – истина теперь в бою, она есть наша победа, и мы должны ее добить. Такова наша жизнь и задача!</p>	<p>– Я потом тоже не буду жить, Сычов. Это я хотел, чтобы вы все, чтобы все бойцы <u>воскресли, когда люди одолеют смерть, а мне теперь не нужно жить и я никогда не очнусь.</u> <u>Я сейчас буду с ним.</u></p> <p>Агеев повернулся лицом к молча смотревшим на него бойцам.</p> <p>И тогда его предсмертный изнемогший дух снова <u>возвысился в своей последней силе, чтобы и в гибели расмотреть истину и существовать согласно с ней.</u> У него явилось предчувствие, что мир обширнее и важнее, чем ему он казался дотоле, и что интерес или смысл человека заключается не в том лишь, чтобы обязательно быть живым; в отречении своем от уходящей жизни Агеев доверчиво <u>закрыл глаза.</u> Из-под века правого глаза у него вышла одна слеза и осохла, а на другую слезу у Агеева уже не было жизни [12; 29].</p>	<p>– Я потом тоже не буду жить, Сычов. Это я хотел, чтобы вы все, чтобы все бойцы <u>воскресли, когда люди одолеют смерть, а мне теперь не нужно жить и я никогда не очнусь.</u> <u>Я сейчас буду с ним.</u></p> <p>Агеев повернулся лицом к <u>Мокротягову и обнял умершего.</u></p> <p>И тогда его предсмертный изнемогший дух снова <u>возвысился в своей последней силе, чтобы и в гибели своей рассмотреть истину и существовать согласно с ней.</u> У него явилось предчувствие, что мир обширнее и важнее, чем ему он казался дотоле, и что интерес или смысл человека заключается не в том лишь, чтобы обязательно быть живым; <u>поэтому он не хотел более быть воскрешенным и жить повторно в счастливые времена.</u> И в живой жадности к неизвестному, в отречении своем от уходящей жизни Агеев доверчиво <u>закрыл глаза, прижалвшись лицом к мертвому другу.</u> Из-под века правого глаза у него вышла одна слеза и осохла, а на другую слезу у Агеева уже не было жизни.</p> <p>– <u>а нам тоже жить после смерти без надобности, товарищ командир,</u> – <u>сказал старшина.</u></p> <p>– <u>Мы вами и так довольны были. Мы думали, это вам нужно было, чтоб после жить.</u> А народ правду знает – ему бы хоть раз <u>вдосталь подышать на земле и достаточно.</u> <u>Агеев не услышал старшину и не ответил более.</u></p>

Эти слова Агеев произносит в память о четырех погибших товарищах. Каждый павший боец – потеря, которая делает мир сиротой. Эта истина добавляет новый нюанс в осмысление войны и победы: значение победы над фашизмом в том, чтобы мир восполнил свои утраты, без которых «жить нельзя», и оставился целостным.

Эволюция героя достигает кульминации в финале рассказа:

«Оборона Семидворья»
(*«Знамя»*)

Рукопись

– Я потом тоже не буду жить, Сычов. Это я хотел, чтобы вы все, чтобы все бойцы воскресли, когда люди одолеют смерть, а мне теперь не нужно жить и я никогда не очнусь. Я сейчас буду с ним.

Агеев повернулся лицом к Мокротягову и обнял умершего.

И тогда его предсмертный изнемогший дух снова возвысился в своей последней силе, чтобы и в гибели своей рассмотреть истину и существовать согласно с ней. У него явилось предчувствие, что мир обширнее и важнее, чем ему он казался дотоле, и что интерес или смысл человека заключается не в том лишь, чтобы обязательно быть живым; поэтому он не хотел более быть воскрешенным и жить повторно в счастливые времена. И в живой жадности к неизвестному, в отречении своем от уходящей жизни Агеев доверчиво закрыл глаза, прижалвшись лицом к мертвому другу. Из-под века правого глаза у него вышла одна слеза и осохла, а на другую слезу у Агеева уже не было жизни.

– а нам тоже жить после смерти без надобности, товарищ командир, – сказал старшина.

– Мы вами и так довольны были. Мы думали, это вам нужно было, чтоб после жить. А народ правду знает – ему бы хоть раз вдосталь подышать на земле и достаточно. Агеев не услышал старшину и не ответил более.

Выделенные фрагменты не только фиксируют изменения, произошедшие в миропонимании Агеева, но и выражают народную точку зрения на вопрос о смерти и бессмертии, которую высказывает старшина Сычов: «Нам тоже жить после смерти без надобности, товарищ командир... Мы думали, это вам нужно было, чтоб после жить, а народ правду знает – ему бы хоть раз вдосталь подышать на земле».

Смысл жизни на войне занимает всех бойцов, и понимают они его как «высшее производ-

ство продукции, а именно смерти врага, оккупанта». Враг в сознании бойцов – неживой, «недушевленный», его исчисляют в штыках («двадцать пять штыков осталось»), русского бойца – в душах («убито 4 души»). Частотное в творчестве Платонова противопоставление ума и сердца⁷ в военных рассказах получает дополнительную семантизацию: ум, из души и сердца вырастающий, и ум механический (такое понимание ума закреплено в точке зрения бойца Палагина: «...у немца ум заводной, а у нас хоть иногда дурной, да живой»). Врагу отказано в воскрешении («Сейчас они умрут и не воскresнут»), потому что у него, в отличие от русского «одушевленного» воина, «пустое сердце», он не обладает жизнетворной энергией (по наблюдениям А. Кретинина, «‘русскость’ / ‘немецкость’ выражает антимонию ‘жизнь’ / ‘смерть’» [8; 47]).

Этот сюжетный поворот вносит новый смысл в мотивы смерти и воскрешения. Помимо противоречия в понимании воскрешения Агеевым и бойцами, существует еще внутренний конфликт, который представлен образной параллелью героев Агеева и Сычова. Отношение к смерти русского солдата у бойцов оказывается неоднозначным. Сычов – представитель «разумной» точки зрения, он ведет войну «экономически и бережливо»; по его мнению, смерть солдата на войне – норма, но она не должна быть убыточной, напрасной. Иначе думает Агеев: он «чувствовал горе от потери своего бойца всегда: убил ли он перед смертью пятерых врагов или никого не убил. Сычов считал лишь дела, а не души, и гибель двоих немцев против смерти одного русского полагал мерой правильной». Конфликт «разумной» и «сердечной» точек зрения обозначен в речи повествователя, и, излагая их, он не делает однозначных выводов. Кроме того, данное противопоставление оказывается усложненным в рукописи рассказа: «Агеев понимал духовный смысл дисциплины и глубокое значение практически ненужных действий». Эта фраза предшествует сцене, в которой Агеев строит своих солдат, чтобы вдохновить их на бой. Дисциплина, равно как и расчетливая, рассудочная позиция Сычова, необходима для победы: «...против такого солдата, который воюет с той же алчной страстью, как копит дом для своего семейства, нету средств победы». Во внутренней речи Агеева эти две позиции примиряются, дополняя друг друга: «...командир почувствовал удовлетворение от того, что он учил и одушевлял своих бойцов, а Сычов чеканил их дисциплиной».

Финал рассказа, однако, расставляет акценты в развитии мотива «смерти нет». Говоря о будущем счастливом мире, Агеев так определяет залог счастья: «Тогда люди будут не такие, как мы, а лучше нас, в них от наших страданий зачнется душа, а у нас ее мало». Платонов понимал причины Второй мировой войны расширительно, как проявление «вечной войны». Дневниковые записи 1941–1942 годов свидетельствуют,

что, будучи в центре патриотической, героической войны, писатель напряженно ищет ответ на вопрос о глубинных истоках этой трагедии, выводя ее из рамок противостояния «наших» врагу-захватчику на общечеловеческий этический уровень: «...война может стать постоянным явлением: как род новой промышленности, вышедшей из двух причин – некоторого свободного избытка производительных сил и “опустошения душ”» [23; 225]. Эту же идею писатель закладывает в мироощущение своего героя в раннем рассказе «Крестьянин Ягафар»: «Бабай чувствовал нарастающее всемирное зло по людям, по томлению их мысли, по содроганию их тихих сердец, все более скрупульно берегущих свое счастье...» [19; 37]. Данная мысль прочитывается и в указанном фрагменте «Обороны Семидворья», который по очевидным причинам был вырезан из публикации «Красной Звезды» и принципиально изменен редакцией «Знамени» на «в них от наших страданий зачнется большая душа» [12; 10]. Редакция журнала не могла допустить двусмысленности, которая подразумевала, что сейчас душа – в том значении, которое закладывал в это слово Платонов, – в людях отсутствует, неслучайно в рукописи есть приписка к основному тексту: «Тогда люди будут не такие, как мы, а **лучше нас**».

Гибель Агеева становится катализатором рождения души в Сычове, который раньше равнодушно принимал смерть, если она была полезной для победы: «...он не мог стерпеть в себе грустной любви к умершему, которой он прежде не чувствовал». Конфликт «разумной» и «сердечной» точек зрения разрешается к финалу рассказа в пользу «сердечной» («осердечивания ума»). В пятой главе Агеев высказывает новую мысль о воскресении умерших: «...лишь бы нам сберечь от врага наш народ, а в нашем народе есть сердце, и в нем будет память о нас». В. М. Акимов отметил: в военной прозе Платонова «мысль народная не только важнейшая... но и выражена с большой силой и оригинальностью» [1; 9]. В финале рассказа оформляется собирательный образ народа с единым сердцем, которое через свойство вечной памяти становится залогом бессмертия павших. Мечта о научном воскрешении, отрицание смерти оборачиваются в сознании героя доверием к смерти, христианским смирением: «Агеев доверчиво закрыл глаза, прижалвшись лицом к мертвому другу». Единение Агеева с мертвым другом, выраженное последним жестом умирающего, а также сцена прощания солдат с погившим командиром, в которой «каждый человек поцеловал скончавшегося», подчеркивают христианский, народный смысл смерти. Этот аспект в развитии данного мотива отмечает И. А. Спиридонова: «...тема смерти осмысливается как преображение, открытие-обретение главной жизни. В основе ее – христианское понимание вечности, нетленности “одухотворенной” истиной человеческой души»

[26; 86]. В русле христианской этики по ходу повествования меняется и отношение к умершему врагу. Показателен здесь фрагмент, который также отсутствует в журнальной и газетной версиях рассказа: «Мокротягов стер ветошкой липкую чужую сырость со своего штыка и внимательно посмотрел на него: **штык видел внутренности человека, а Мокротягову видеть их не пришлось; однако Мокротягову интересно было увидеть внутренности – как они там действуют, когда бывают живые**». Если первая часть этой цитаты соответствует изначально заданному на лексическом и сюжетном уровне представлению о враге как о чужеродном неодушевленном предмете – «липкая чужая сырость», то вторая обнаруживает, что после смерти враг также становится человеком. Смерть уравнивает всех павших, и эта мысль выводит мотив бессмертия из рамок оппозиции «свои – чужие»⁸.

«Назначение литературы нашего времени, времени Великой Отечественной войны, это быть вечной памятью о поколениях нашего народа, сберегших мир от фашизма и уничтоживших врагов человеческого рода... Остающиеся жить обязаны вечной памятью по ушедшим из

жизни героям, потому что живые сохранены подвигом тех, кто погиб...» [23; 279] – эту идею Платонов стремился воплотить практически в каждом произведении о войне. Сохранить память о погибших, рассказать о «народной войне» устами народа, передать мироощущение самих сражавшихся – это стремление писателя заложено уже на уровне структуры произведений о войне⁹. Поместив в центр рассказа рефлексирующего героя, глазами которого показаны события, писатель тем не менее не закрепляет за ним основную позицию. Повествовательная структура рассказа полисубъектна. Идейный замысел произведения раскрывается во взаимодополнении и пересечении многих субъектных позиций, выражающих разные, часто противоположные точки зрения. Повествовательная стратегия автора такова, что развертывание разных точек зрения в композиции рассказа, с одной стороны, четко определяет авторский замысел, но с другой – не допускает смысловой однозначности. Однако эта сложная, многоголосная структура повествования была сильно искажена в публикациях военного времени, что неминуемо привело к обеднению художественной природы рассказа и его идеино-философского содержания.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В 1942 году Платонов отправился на фронт в качестве корреспондента «Красной звезды» и был демобилизован в 1945 году из-за тяжелой болезни. Он прошел вместе с Красной армией по ведущим фронтовым направлениям и всюду стремился быть как можно ближе к простому солдату. Записные книжки 1942–1945 годов пестрят зарисовками из солдатского быта, именами бойцов, которых писатель встречал на фронте, фрагментами запомнившихся высказываний и диалогов. «Я старательно вникаю в войну, вижу много людей, целый день занят, много хожу» [19; 544], «здесь совсем другая жизнь, я впитываю ее в свою душу», – делится он с женой Марией Александровной [19; 546]. В фронтовых письмах к жене Платонов фиксирует значение этого трагического, но бесценного опыта: «...я видел тут огромные бои, многое пережил, многое видел прекрасного в наших солдатах, многое понял, чего прежде не понимал» [19; 564].
- ² Из 36 очерков и рассказов, изданных в годы войны, 19 публикаций приходятся на «Красную Звезду» и 5 (с учетом повторных публикаций рассказов «Одухотворенные люди» и «Смерти нет!») – на «Знамя». Подробно о динамике и статистике публикаций произведений Платонова в военное время см. [2; 408–432].
- ³ При цитировании фрагментов рукописи в основу транскрибирования авторского текста были положены принципы, предложенные В. Вьюгиним на основе обобщения существующей практики в текстологическом изучении художественного наследия Платонова [4], а именно: 1) окончательный вариант текста передается прямым шрифтом; 2) текст, отвергнутый (зачеркнутый) автором, передается *[курсивом в квадратных скобках]*; 3) написанный взамен вычеркнутого или добавленный в качестве вставки текст передается **полужирным** начертанием. В таблицах, где сравниваются варианты текста, опубликованного в военной периодике и обнаруженного в авторской рукописи, отсутствующий в военных изданиях текст подчеркивается сплошной чертой.
- ⁴ Текст рукописи здесь и далее, в таблицах и основном тексте, цитируется по [11] без ссылки на лист.
- ⁵ Этот пафос определялся самим предметом изображения: освободительная патриотическая война создавала и обнаруживала героические характеры. «Русский солдат для меня, – святыня, и здесь я вижу его непосредственно. Только позже, если буду жив, я опишу его», – признается Платонов в письме жене [19; 560]. Та же мысль в дневниковых записях: «В нашей войне знаменательно то, что даже человек слабый или ничтожный, даже ребенок, еще не осмысливший мир, обречен на подвиг, на честь и величие» [12; 280].
- ⁶ В варианте «Красной звезды» этот фрагмент отсутствует вовсе.
- ⁷ О разных художественных воплощениях концептуальной параллели «ум – сердце» см. [6], [10], [25], [27].
- ⁸ О размыкании оппозиции «свои – чужие» на разных уровнях структуры произведений Платонова: от словосочетания и трона до сюжетных единиц текста см. [26].
- ⁹ О драматическом принципе организации сюжета в рассказе «Одухотворенные люди» см. [28]. Анализ повествовательной структуры «Обороны Семидворья» подтверждает полифоническую природу малой эпической формы у Платонова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А ким о в. М. «Солдат начинается с думы об отечестве» (Военная проза Андрея Платонова) // Платонов А. Одухотворенные люди. М.: Правда, 1986. С. 3–14.
2. А нто н о в а Е. Андрей Платонов в 1942–1945 гг. // Архив А. Платонова. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 408–432.
3. В ю ги н В. Ю. Повесть А. Платонова «Строители страны». К реконструкции произведений // Из творческого наследия русских писателей XX века: М. Шолохов. А. Платонов. Л. Леонов. СПб.: Наука, 1995. С. 309–391.

4. Вьюгин В. Теория и практика публикации рукописей: к проблеме транскрибирования платоновских текстов // «Страна философов» Андрея Платонова. Проблемы творчества. Вып. 5. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 473–491.
5. Гачева А. Г. Философия воскрешения Н. Ф. Федорова // Федоров Н. Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1995. С. 5–33.
6. Дырдин А. Потаенный мыслитель. Творческое сознание Андрея Платонова в свете русской духовности и культуры. Ульяновск: УлГТУ, 2000.
7. Корниенко Н. В. История текста и биография А. П. Платонова (1926–1946) // Здесь и теперь. 1993. № 1. С. 3–32.
8. Кретинин А. А. Мифологический знаковый комплекс в военных рассказах Андрея Платонова // Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. Кн. 2. СПб.: Наука, 2000. С. 41–57.
9. Лукин. «Неясная мысль» // Правда. 1943. 8 июля. С. 3.
10. Михеев М. Ю. В мир Платонова через его язык. Предположения, факты, истолкования, догадки. М.: Изд-во МГУ, 2002. 407 с.
11. Платонов А. Оборона Семидворья // Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 62. 184 л.
12. Платонов А. Оборона Семидворья // Знамя. 1943. № 5–6. С. 7–29.
13. Платонов А. Оборона Семидворья // Красная звезда. 1943. 26 мая.
14. Платонов А. Оборона Семидворья // Одухотворенные люди: Военные рассказы. М.: Воениздат, 1963.
15. Платонов А. Оборона Семидворья // В прекрасном и яростном мире: Повести и рассказы. М.: Худож. лит., 1965.
16. Платонов А. Смерти нет! (Оборона Семидворья) // Смерти нет!: Рассказы. М.: Сов. писатель, 1970.
17. Платонов А. Из писем и записных книжек // Платонов А. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М.: Сов. Россия, 1985.
18. Платонов А. Оборона Семидворья // Повести и рассказы. Л.: Лениздат, 1985.
19. Платонов А. Крестьянин Ягафар // Одухотворенные люди: Рассказы о войне. М.: Правда, 1986. С. 37–47.
20. Платонов А. Смерти нет! (Оборона Семидворья) // Одухотворенные люди: Рассказы о войне. М.: Правда, 1986.
21. Платонов А. Сокровенный человек // Платонов А. Вся жизнь. М.: Патриот, 1991. С. 21–91.
22. Платонов А. Смерти нет! (Оборона Семидворья) // Иван Великий: Рассказы о войне. М.: Сов. писатель, 2000.
23. Платонов А. Записные книжки. М.: ИМЛИ РАН, 2006. 422 с.
24. Платонов А. Письма 1942–1945 гг. // Архив А. Платонова. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 534–578.
25. Семенова С. Россия и русский человек в пограничной ситуации: Военные рассказы Андрея Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. М.: Наследие, 2000.
26. Спиридонова И. А. «Внутри войны» (поэтика военных рассказов А. Платонова). Петропавловск: Изд-во ПетрГУ, 2005. 212 с.
27. Спиридонова И. А. О природе «сокровенного» в творчестве А. Платонова // Проблемы исторической поэтики. Петропавловск, 2005. Вып. 7.
28. Спиридонова И. А. Рассказ Платонова «Одухотворенные люди»: текст и контекст // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Кн. 4. СПб.: Наука, 2008. С. 217–233.
29. Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 348 с.